

СОЛНЕЧНЫЕ ПЯТНА

РАССКАЗЫ

Наталья МЕЛЁХИНА

Наталья Мелёхина — прозаик, критик. Родилась в Грязовецком районе Вологодской области. Окончила Вологодский государственный педагогический университет, факультет филологии, теории и истории изобразительного искусства.

Публиковалась в журналах «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов», «Наш современник» и других. Автор сборников рассказов «Железные люди» (2018), «Перевал Волкова» (2021), а также биографий Героев Советского Союза «Александр Панкратов» (2018) и «Сергей Орешков» (2024). Лауреат Международного Волошинского конкурса, премии Д. М. Балашова, премии Б. М. Пидемского, финалист премии «Чистая книга».

Член Союза писателей России.

Живёт в Вологде.

М. Халилову

...если воину холодно и тоскливо, а согреться нет возможности, он должен вспомнить такие моменты из своего прошлого, когда чувствовал себя защищённым и умиротворённым.

Есть в боевых искусствах Китая и Японии, а также у индийских йогов особая практика: если воину холодно и тоскливо, а согреться нет возможности, он должен вспомнить такие моменты из своего прошлого, когда чувствовал себя защищённым и умиротворённым. Это странная идея с точки зрения европейцев, но она действительно помогает при должной тренировке ума и духа. В Вологде, в северном городе, где зима занимает большую часть года, я часто мёрзну и, бывает, впадаю в постыдное уныние, но у меня есть свои спасительные солнечные пятна в памяти. Мне достаточно вспомнить и представить жаркий Дагестан, мой Дагестан.

ДЕРБЕНТ

Сколько раз я слышала от своих отца и бабушки: «Прадед твой был персом. Потому вы с братьями и черноволосые такие — персидская кровь! Хотя прадед твой, по правде говоря, был рыжим. Высокий, стройный — красавец!» Семейное предание и не более того — так казалось мне. Прадед — рыжий, мы — черноволосые. Нет тут логики. Мы с братьями родились и выросли на Севере, в глухой вологодской деревне, и представить, что наши предки происходят из далёкого и непонятного Ирана-Персии, было очень сложно, хотя фамильная внешность наша зачастую вызывала вопросы у окружающих. Что касается меня — то в меньшей степени, а братья в юности выглядели нездешними: не «по-северному» черноволосые, с пронзительно-голубыми глазами. Говорят, такой цвет глаз, именно голубой, а не карий, был у древних персов, живших на территории Ирана ещё до того, как империю завоевал Александр Македонский. Например, на цветных изразцах, украшавших стены дворца персидского царя Дария I в городе Сузы, есть изображение смуглого воина с сияющими голубыми глазами.

И со мной, и с братьями из-за внешности порой случались комичные ситуации. Так, старший мой брат однажды отрастил бороду и с ней сделался похожим на «лицо кавказской национальности» из числа тех, кого разыскивают за теракты. Дело было в начале нулевых, из Краснодарского края к нам в гости приехала бабушка, и брат отправился встречать её на вокзал в Вологде. Там-то вместе с бабулей их и задержали до выяснения личности. Патрулю (тогда ещё патрулю милиции) показалось подозрительным, что у людей кавказской внешности в паспортах значились русские имена и фамилии. Они решили, что документы поддельные.

О далёких предках напоминал также Коран, купленный моим отцом и бережно обёрнутый в самодельную обложку из полиэтилена. Папа считал, что в память о своих корнях мы должны прочитать эту книгу. Когда мне было четырнадцать лет, я выполнила его пожелание. Спустя годы не могу объяснить, что меня к этому побудило. Взяла Коран в руки и более не могла оторваться: читала несколько дней, как только возвращалась из школы, пока не перевернула последний лист. По малолетству с трудом понимая смысл, я, словно замороженная самой ритмичкой речи, словно в танце, словно в забытьи, следовала от страницы к странице. Причём читать Коран я непременно уходила на заброшенную зерносушилку за деревню, и это не было подростковой прихотью. Меня раздражало, если кто-то отвлекал меня. Не хотелось глаза поднимать от строки, ведь если поднимешь, то чудесный ритм собьётся, и так досадно упустить его живоначальную нить, а потом ловить снова; в этой повисшей паузе будто что-то

Говорят, такой цвет глаз, именно голубой, а не карий, был у древних персов, живших на территории Ирана ещё до того, как империю завоевал Александр Македонский.

важное незримо ускользало от меня в пустую ячейку между словами в совершенной строке.

На зерносушилке, в одиночестве сидя в оконном проёме без рамы и стекла, я, отрываясь от чтения, любовалась предосенними травами под солнцем, цветным лесом и несущимися по воздуху пушинками от давно отцветшего кипрея. Гонимые едва заметным ветром, одни летели прямо и свободно, другие порхали и хороводили стайками, третьи снегом опадали на траву. «Веди нас Прямым Путём, путём тех, кого Ты облагодетельствовал, не тех, на кого пал гнев, и не заблудших». Поймаешь пушинку в ладонь, смотришь на неё: так заблудшая ты, малышка, или нет? Какой путь тебе будет дан — прямой или торный? Полетишь свободно и легко, закружишься в суете бесплодных будней или упадёшь на землю, где скоро накроет тебя настоящий белый и холодный снег? И если даже путь пушинки в руках Всевышнего, то что уж говорить о людях?..

Пасмурным августовским днём наша машина, словно подгоняемая сильным ветром с Каспия, неслась по шоссе между Махачкалой и Дербентом. Жара стояла настолько сильная, что кондиционер не спасал, и водитель по старинке открыл окно. Мимо пролетали поля, фиговые деревья, грецкий орех и виноградники. Оттенки зелёного и серого преобладали в пейзаже. Всюду попадались люди, торгующие виноградом: белым и янтарно-оранжевым, жёлтым, как глаз кошки ночью, и рубиновым, аметистовым и почти чёрным. У нас в Вологодской области сборщики клюквы и брусники тоже так выходят торговать на обочины. Выбери любую дорогу в любой стране в любую эпоху, и сменятся лишь декорации, а крестьянские заботы везде и всегда останутся одинаковы: пахать-копать, поливать-растить, собрать-продать.

И заботы воинов те же: ловить-выявлять, стрелять — не пускать, защищать-охранять. По этой же дороге Махачкала — Дербент запрещённые организации вывозят в Азербайджан, а затем в Сирию тех людей, кто хотел бы вступить в их ряды, и потому на выезде из Махачкалы нас остановил вооружённый патруль. «Веди нас Прямым Путём, путём тех, кого Ты облагодетельствовал, не тех, на кого пал гнев, и не заблудших», — неожиданно вспомнилось мне из детства. Я повторяла эту фразу, пока омоновец рассматривал наши документы. Это был высокий, плотного телосложения воин при полной боевой амуниции, но с закрытым лицом так, что видны были одни лишь его сияющие голубые глаза в обрамлении густых чёрных ресниц.

В Дербенте воздух пах солью и нагретой каменной пылью. Мы двигались по тесным улицам, будто рассекая плотную среду не из воздуха — нет! — из густого медового киселя эпох, которые здесь наслаивались одна на другую, пока совершенно не перемешались и не стали неотделимыми одна от другой. Перед посещением крепости Нарын-кала решили отобедать

«Веди нас Прямым Путём, путём тех, кого Ты облагодетельствовал, не тех, на кого пал гнев, и не заблудших».

в ресторане — местной достопримечательности, где одна из стен — остаток бывшего укрепления Каспийских врат.

Там, к нашему удивлению, совсем никого не было. Лишь юная беременная жена хозяина укачивала ребёнка лет двух, сидя в тени под тонким, изящным деревцем хурмы, таким же тонким, таким же изящным и таким же плодоносящим, как она сама. Нас пригласили за стол, накрытый домотканой скатертью. Принесли чай и сладости, пресные лепёшки и прохладную довгу в высоких крутобоких бокалах, на стекле которых тут же выступили бриллиантовые капельки влаги. Горел огонь саджа. Мы ели и пили. Мы говорили с друзьями о жизни и смерти, о смерти и любви, о любви и Боге. Но где же мы были? А главное — когда мы были? Попробуй-ка угадай по приметам: беременная женщина поёт колыбельную малышу. Пресные лепёшки ждут на домотканой скатерти, когда их преломят, чтобы разделить друг с другом. Молчит за спиной стена из камня Каспийских врат. Где-то змеёй ползёт шипящая на жаре дорога, у которой крестьяне торгуют виноградом всех цветов и оттенков. Голубоглазый воин охраняет путь из города в город, а его товарищи отдыхают в тени фиговых деревьев, однако держа оружие при себе наготове. О, Всевышний, куда унёс ветер Твою пушинку? Только ли от зерносушилки на Севере до узкой полосы между горами и морем?

После обеда отправились осмотреть «солнечную крепость» Нарын-кала, но в тот день солнце её так ни разу не осветило. Какие-то люди на огороженной лентами территории расставляли пластиковые стулья: ждали приезда высокопоставленного чиновника. Нелепо смотрелась эта мебель на фоне величественных камней, и что им было до того, кто будет здесь, при них, держать речь? Скольких властителей, императоров и наместников видели они, надменно молчащие? Экскурсовод прилежно перечисляла имена сасанидов, и мы запутались в хороводе непривычных созвучий, упоминала великих царей древности, рассказывала и про Александра Македонского, и про Петра I. И столь же прилежно хлопотливые рабочие за охранительными лентами выверяли прямо у рядов из синеньких пластиковых стульчиков; и на столе, за которым усядется чин очередной империи, поставили бутылочки воды и одноразовые стаканчики...

Как-то незаметно к нашей экскурсии присоединились двое полицейских. Их прислали, чтоб охранять мероприятие с участием высокого гостя, но до начала у них ещё оставалась пара часов, и они с любопытством слушали рассказ нашего гида. Мы были совсем не против, они нам нисколько не мешали. Больше всего вопросов они задали о том, как содержались пленники в подземной тюрьме. Экскурсовод упомянула, что чаще всего трупы несчастных узников так и оставались в зиндане и, чтобы заглушить запах мертвечины, беспокоивший женщин из гарема, вокруг разбили цветник и розарий.

О, Всевышний, куда унёс ветер Твою пушинку? Только ли от зерносушилки на Севере до узкой полосы между горами и морем?

— Это сколько же роз тут надо было посадить! Прорву! Тысячи! — со знанием дела заметил один из служителей порядка и с недоверием окинул взором пространство вокруг решётки в подземном узилище, словно бы оценивал площадь предполагаемого цветника.

У каждого в этом мире есть своя роль. Крестьяне возделывают землю, воины охраняют её, стражи власти стерегут незыблемость империи, толмачи не только переводят с языка на язык, но и расшифровывают культурные коды. Я же сделала то, что сделал бы всякий поэт и писатель на моём месте: взглянув в зиндан, пожелала упокоения души всем тем, кто так в нём и остался. Путь праведных или путь заблудших привёл их в эту яму? Герои или мерзавцы умирали там в муках? Что воздал им не суд земной, мимолётный и не менее грешный, чем его подсудимые, а суд неподкупный, суд от Бога? Мне не дано знать, как не дано было предугадать полёт пушинок над предосенней травой. Одно я помню: все эти узники тоже были людьми.

Словно циркач — вышколенный номер, экскурсовод ловко ввернула в беседу легенду о том, что женщин из гарема ради зарядки гоняли вдоль стен крепости, чтобы не полнели в тоске безделья. «Такие же пленницы, хоть и не в подземной тюрьме», — подумалось мне. Но тут одна из посетительниц крепости, одетая в традиционное мусульманское платье, с хиджабом на голове, ловко вскочила на стену.

— Мама! — только и успел выдохнуть её сын, мальчишка лет десяти.

— Патимат! Упадёшь! Что ты делаешь?! — попытался схватить её за ноги муж, чтобы подстраховать от падения.

Но она, весёлая, смеющаяся, смелая, встала в полный рост на стене и потребовала от мужа, чтобы тот немедленно сфотографировал её на смартфон, и не успокоилась, пока не добилась снимка нужной ей красоты, а супруг исходил потом, но не от жары, а от страха за неё, умоляя скорее спуститься. Просил сойти на землю и сын. В этой семье если кто и был узником, то точно не Патимат.

В конце прогулки мы пили лимонад и кофе с мороженым, и вновь куда-то пропало время, утекло, просочилось, испарилось, как вода в жаркий день на камнях крепости. Где мы были? Когда мы были? Был ли вообще этот день в моей жизни? И была ли это моя жизнь? Про себя я напевала песню группы «Сплин»:

*Ты уводишь меня в мир, где я — это я,
И не действует больше закон притяжения,
Горит под ногами планета Земля,
Продолжая своё круговое движенье,
Приводящее нас в ужас или восторг,
Это тянется время полураспада урана...*

У каждого в этом мире есть своя роль. Крестьяне возделывают землю, воины охраняют её, стражи власти стерегут незыблемость империи, толмачи не только переводят с языка на язык, но и расшифровывают культурные коды.

Время полураспада урана — четыре с половиной миллиарда лет. Слишком много даже для Дербента, так много, что мозг перестаёт воспринимать это число, растворяя его в секундных ощущениях: вот горький вкус кофе, сладкий — мороженого, кислый — лимона, солёный — ветра с моря. А ты пробуй эту жизнь на вкус, на цвет, на все лады. И забудь, забудь, пушинка, кто ты и где ты, и куда несёт тебя в потоке времени. В вечном городе в паузах между слов открылись мне законы крови, что сильнее любой логики. Рыжим был мой прадед, и был он персом. Теперь я знаю, что это истинная правда. А вечером на улицах Дербента зажглись огни жилых домов и лавок, раздался призыв муэдзина к вечерней молитве, и успокоилось сердце, словно из долгого странствия на чужбине меня вернули домой.

КУДРЕТ

Я представляю Махачкалу, берег Каспийского моря, узкую тропку к волнам и нагретые, как печка, скалистые гребни. Тёплый вечер, сумерки, почти ночь. Я сижу прямо на камне, а набегающие волны омывают ноги, ластятся, как котята, свитые из морской пены, будто из пуховой пряжи. Малюсенький частный пляж подобен раскрытой горячей ладони Бога, и я — ничтожная песчинка под его взором, но ведь даже и для песчинки у Бога хватит и тепла, и моря, и бриза.

*Божественный, неповторимый миг,
когда Аллах тепло с небес взирает.
И ночь, вся светлая, от края и до края,
готовится оставить этот мир
и чётки звёзд, молясь, перебирает*.*

Однажды на этом пустынном частном пляже меня случайно застал сосед. Каждый вечер на закате и каждое утро до восхода он занимался здесь гимнастикой на турниках. Многие мужчины в Дагестане тщательно следят за своей физической формой. Сосед был огромного роста, хорошо тренированный борец, мускулистый и бородатый. Примерно такими изображают исламских боевиков в современных кинофильмах. Признаться, я немного испугалась, ведь в Дагестане большинство женщин не то что в купальниках, но и в более-менее открытых одеждах не ходят.

— Девушка, только не пугайтесь! Умоляю! — воскликнул он, заметив испуг на моём лице, и даже руки сложил на груди молитвенной лодочкой. — Купайтесь дальше! Сегодня погода такая, что надо купаться. Волны нет совсем. Редкость большая на Каспии. Вы с Севера, вижу, не местная. Может, там у вас и моря нет.

А ты пробуй эту жизнь на вкус, на цвет, на все лады. И забудь, забудь, пушинка, кто ты и где ты, и куда несёт тебя в потоке времени.

* Цитата из стихотворения поэта Магомеда Ахмедова. — Прим. автора.

— Нет, — подтвердила я.

— Вот видите: когда ещё у вас возможность такая будет? Никто вас не обидит. Хотите, я сам за этим прослежу? Буду тут, в сторонке.

Мужчина спрятался за скалистый уступ, откуда меня не было видно, чтобы показать, что не будет на меня смотреть, но даже и там, за уступом, он демонстративно отвернулся от меня, а чтобы разорвать повисшую между нами завесу смущения, представился.

— Меня зовут Кудрет. Я ваш сосед. А вас как зовут и откуда вы?

В Дагестане человек всегда будто включён в невидимый и неосознаваемый круг, напоминающий тот, в котором на праздниках танцуют лезгинку. Этот круг ощущают, как ощущают ритм музыки, как волю к движению, то есть так же естественно, как птица чувствует полёт, резвый конь — свой бег, а рыба — морскую волну.

Я представилась: мол, я из Вологодской области и здесь в гостях у друзей. Кудрет, перетаптываясь за скалой, как пещерный медведь, рассказал, что тренируется на этом пляже, когда спадает жара, потому что так безопаснее для здоровья; что вода в Каспийском море по химическому составу напоминает человеческую кровь, и потому, когда волны набегают на берег, ему всегда кажется, что так бьётся жаркое сердце Каспия... Он говорил и говорил, но только о вещах красивых и мирных, чтобы прогнать мой страх, как тьму прогоняют заклинанием света.

Только когда я вышла из моря и оделась, он вышел ко мне и, не подходя близко, проводил от пляжа до дома, по-прежнему развлекавая болтовнёй, на этот раз про то, какая в Каспии водится рыба и как её готовят. Позже мои друзья рассказали мне, что Кудрет с детства занимался вольной борьбой и каждый вечер с самых малых лет тренировался на этом пляже вместе с младшим братом, которого боевики-исламисты убили в лихие 90-е годы. В то беспокойное время каким-то образом совсем ещё юный парень умудрился перейти им дорогу. Кудрет нашёл способ отомстить бандитам. Не желая никого ставить в неловкое положение или будить тяжкие воспоминания, я не стала спрашивать подробностей. Позже взглянула в Интернет, как переводится его имя. Яндекс безучастно сообщил: «Кудрет — “сила”, “мощь”». Я не удивилась такому переводу.

Там, на пляже, я купалась одна, но я не была одинока. В Дагестане человек всегда будто включён в невидимый и неосознаваемый круг, напоминающий тот, в котором на праздниках танцуют лезгинку. Этот круг ощущают, как ощущают ритм музыки, как волю к движению, то есть так же естественно, как птица чувствует полёт, резвый конь — свой бег, а рыба — морскую волну.

Каждый человек — часть тухума. Но что такое «тухум»? Всякое слово — нечто большее, чем сумма букв. Можно было бы сказать, что тухум с персидского языка переводится как «род». В конце концов, именно так пишут в словарях, так чего же проще — сократить пять букв до трёх? Однако это не совсем точное определение, потому что тухум нельзя сократить, потому что это не только кровная родня, но и все ближние рода,

находящиеся под его дружеской защитой и покровительством.

Первый круг тухума — это предки по линиям отца и матери. Второй — братья и сёстры, тёти и дяди. Третий — потомки. Четвёртый — друзья и соседи — все, про кого православные в молитвах сказали бы «ближние рода моего». Пятый, для многих самый главный, — вера. Кудрет меня, северянку и христианку, включил в четвёртый круг своего тухума и окутал пятым. Пусть даже краткое время нашего знакомства защищал от всего, даже от собственного мужского взгляда, как положено воину-мусульманину. Теперь всякий раз, когда мне требуются мужество, мощь и сила, я вспоминаю его нарочито весёлую и целомудренную болтовню, доносящуюся из-за уступа скалы вперемешку с ласковым шелестом волн.

ТЁТУШКА СЕРФИНАЗ

Она присыпает мукой чистую деревянную столешницу и начинает разминать тесто. Высохшие сморщенные руки мнут белое тело будущих курзе.

Я любуюсь её ловкими, точными движениями. На манжетах её тёмно-синего платья — ни пятнышка муки. Так легко и опрятно в почтенные годы умеют работать только те, кто всю жизнь тяжело трудился. Пробую то же самое повторить со своим куском теста, но у меня получается плохо.

— Тётушка Серфиназ, расскажите, как вас выдали замуж.

— Что рассказывать? Мы тогда не праздновали свадеб, потому что шла война. В доме нас было восемь детей и мать. Отец воевал. У моего отца был двоюродный брат, мой дядя, и он погиб на войне, а его жена умерла от болезни. Тогда много люди болели, а лечили их плохо. В дом к нам взяли ещё четверых его детей. Старший из них, Талиб, был мне ровесником. А было мне шестнадцать лет. Мать сказала: «Вот, Серфиназ, Талиб будет тебе женихом». Я — плакать. Но не при ней, а чтоб она не видела. Мать заметила. Говорит: «Что ты плачешь? Что нам делать? Всех нам не прокормить. А вы уже взрослые. У вас будет своя семья». Родителям тогда не смели перечить. К тому же Талиб — сирота, так можно ли отказать сироте? Решили отправить нас жить в дом его отца, который пустовал. А ты, деточка, надень платок. Мы ведь курзе готовим. Волосы на тесто попадут — какое же это дело? И вообще женщине нельзя без платка. Ты знаешь, что к каждому лицу идёт свой узор?

Надеваю платок, но в нём выгляжу как кок с пиратского корабля. Другое дело — тётушка Серфиназ! Ей платок, конечно, к лицу. Узор подобран точно. Глаза её, добрые и сияющие, у губ — складочки, какие бывают у человека, любящего посмеяться, впалые по-старчески щёки и даже острые скулы — все черты её кажутся прекрасными и сразу родными, даже если видишь её первый раз в жизни.

На манжетах её тёмно-синего платья — ни пятнышка муки. Так легко и опрятно в почтенные годы умеют работать только те, кто всю жизнь тяжело трудился.

— И что, тётушка Серфиназ, большой был дом?

— Большой, очень большой. Чтобы много детей растить. Семья ведь все тогда были большие. Ты, деточка, не бывала в ауле в горах и не знаешь, как у нас бывает. У нас в ауле так: есть нижний аул и есть верхний, и так уж вышло, что потолок нижнего дома может быть полом верхнего. Но мы были одни: наш потолок — только наш потолок и наш пол — только наш пол. В таком месте дом был построен ещё прадедом Талиба. Особенный дом. Вот только добра у нас никакого не было. Пустым был наш дом! Совсем пустым!

— Тётушка Серфиназ, как это — «совсем пустым»?

— А так, совсем ничего у нас не было. Даже мебели. Спали на полу. Стол потом Талиб сам сколотил. И стулья к нему. Мама дала нам один таз. Это было моё приданое. У него — дом, а у меня — таз. Правда, очень хороший, большой: хоть варенье в нём вари, хоть стирай, хоть детей купай!

Она смеётся своей шутке и продолжает рассказ:

— Остальное сами наживали. Подай, деточка, скалку. Я её из аула сюда, в город, к детям, забрала. Не люблю скалки другой хозяйки. И чужую посуду. Из посуды другой хозяйки как буд-то и еда не своя. Теперь надо тесто тонко раскатать — смотри! Вот так.

И она раскатывает тонко-тонко тесто. В миске уже стоит фарш, перемешанный с луком и специями, он сделан заранее специально, чтобы начинка стала однородной.

— Тётушка Серфиназ, а тогда мужчины обижали женщин?

— Как-то раз, уже после войны, один парень из нашего аула женился. Привёл невесту в дом и в первый же день решил показать, что он тут хозяин. Побил её плетью, да так сильно, что её — в больницу, а его — в милицию. Семьи их договорились, дело замяли. Зашёл он как-то к нам, жалуется Талибу, как сидел в тюрьме, что вот уже и обычаи горские не чтят, что муж жену поучить не может. А Талиб ему говорит: «Ох, как я тебя понимаю! У меня ведь Серфиназ — глава семьи. Держит меня под каблуком. Я против неё и слово молвить боюсь. О, это такая злая женщина! Как она в комнату войдёт, я глаз не поднимая. И ты не смей! А чуть что — сечёт меня плетью за любую провинность. Ой, что же ты наделал?! Глаза от полу поднял! Серфиназ, неси плеть! Тут кой-кого поучить бы надо». Я иду, плеть несу ему. А что? Муж попросил — я несу. Парень тот посмотрел на Талиба как на сумасшедшего и ну от нас бежать! Глуп был. Да и трус. Только такой и может на женщину руку поднять. Не мужчина.

Она смеётся весело, как юная девушка, и добавляет:

— Мы с Талибом жили очень хорошо. И он на меня руки ни разу не поднял, и я его ничем не обидела. А вот пошутить мы оба любили — это есть на нас такой грех. Вот и над парнем тем мы тогда пошутили. Весело нам всегда было вместе. Много смеялись. Наверное, потому что и погоревать тоже много

Семьи ведь все тогда были большие. Ты, деточка, не бывала в ауле в горах и не знаешь, как у нас бывает. У нас в ауле так: есть нижний аул и есть верхний, и так уж вышло, что потолок нижнего дома может быть полом верхнего.

в жизни пришлось. Нечего нам было делить, кроме детей да нашего таза. У нас три сына и дочь. Теперь уж двенадцать внуков и правнуки уже есть. Чего ж ещё надо? Слава Аллаху! Давай, деточка, теперь из теста надо кружочки делать. Вот так! Вот так! В них мясо будем заворачивать. А что, у вас в Вологде не готовят курзе?

Объясняю, что у нас делают только пельмени, и то уже редко, чаще покупают в магазине. Она качает головой:

— А я всегда думаю, что в магазине такая еда только для тех, у кого нет ни матери, ни жены, ни сестры, ни дочери.

Соглашаюсь с ней и говорю, что так и есть: пельмени часто покупают одинокие холостяки. Она ловко лепит курзе одну за другой, да такие ровненькие и хорошенькие! У меня же получаются какие-то уродцы: для пиратского камбуза, может, ещё и сгодятся, если капитан не очень строг, а вот для её застоля — это вряд ли.

— Ничего, деточка, — утешает она. — Ко всему надо привыкнуть.

— Тётушка Серфиназ, а сейчас-то вы куда свой таз дели? Тоже сюда привезли, в город, вместе со скалкой?

— Нет, — смеётся она. — Дочке в приданое отдала. Был мой таз, теперь пусть её будет.

Успокаивает монотонная работа. В кастрюле на плите закипает вода. Она спрашивает осторожно, деликатно:

— А сколько у тебя, деточка, сыновей? И есть ли дочери?

Отвечаю, что детей у меня нет, что есть только племянники и племянницы, и она тут же, будто спохватясь, утешает меня:

— Ничего, деточка! Аузубиллях! Бог даст здоровья и тебе, и всей твоей семье. Всем твоим родным!

Совсем смутившись, утешая, в неловком порыве обнимает старчески дрожащей рукой — так родная тётушка обняла бы. Падают в воду белые пышки-курзе. Варятся, озорно подпрыгивая в кипятке. Бриллиантово блестит бульон. Еда не магазинная. Еда для тех, у кого есть дом. Для тех, кого в этом доме ждёт бабушка, тётушка, мать, жена, сестра, дочь, невестка, внучка. Сытный, ароматный дух заполняет кухню, и над очагом, принявшим вид обычной газовой плиты, царицей-хранительницей парит в синем скромном платье тётушка Серфиназ.

Падают в воду белые пышки-курзе. Варятся, озорно подпрыгивая в кипятке. Бриллиантово блестит бульон. Еда не магазинная. Еда для тех, у кого есть дом.

ТАНЦУЙ, ХАЛИД!

Мы только что позавтракали в тени под виноградником во внутреннем дворе. Стол ломится от угощения: овсяная каша, причём одна — на воде, а другая — на молоке, для тех, кто на воде не любит, яичница, сосиски, лепёшки, сыр, мёд, варенье...

На розовые ломти развалился арбуз, едва его коснулись ножом. Истекает соком дыня, словно умоляя, чтобы съели её

поскорей. В коляске в прохладе дремлет малышка Серфиназ. Ей всего полтора года, потом она вдруг просыпается и недовольно начинает хныкать. Её старшего брата, шестилетнего Халида, взрослые просят:

— Станцуй ей, Халид! Успокой сестру.

И он танцует. Тонкий, гибкий, он выходит в воображаемый круг, которого, конечно, на самом деле нет во внутреннем дворике. Халид летит в лезгинке так, что кажется, ноги его в простых резиновых шлёпках не касаются земли. Взрослые хлопают, выбивая ритм, естественный, подобный пульсации крови:

— Танцуй, Халид! Танцуй!

Взрослые улыбаются. Халид не смеётся, он предельно серьёзен, потому что он уже не с нами, он уже не помнит себя в лезгинке. И Серфиназ перестаёт плакать, и любит брата, и тоже неловко пробует бить в ладоши вместе со всеми. Придёт время, она тоже войдёт в круг, а пока станцуй нам, Халид, как заходятся в шторме непокорные воды Каспия.

— Танцуй, Халид, танцуй!

Расскажи нам про волны, не слишком солёные, подобные людской крови. Как они ласкают пляжи Каспийска и Махачкалы, что нащёптывают они век за веком Дербенту и что они видят, подбегая к Баку.

Спляши нам рассветы и закаты над морем, над горами и над виноградниками.

Открой нам вечную тайну: всякий ли сок может стать драгоценным вином?

Расскажи в своём танце, как рвутся из берегов горные реки, как смеётся бликами солнца, напившись из ледников, красавец Самур.

— Танцуй, Халид, танцуй!

Станцуй нам все эпохи и времена, что поглотил Дербент не поморщившись.

— Танцуй, Халид, танцуй!

Расскажи нам, как пекут баркаван — хлеб блага, как закаляют амугинскую сталь, обжигают балхарскую глину и как кубачинские мастера чернят серебро. Пусть судьбы всех — от императоров в крепости Нарын-кала до старушек в аулах — будут заключены в твоём танце. Пусть в твоей лезгинке будет всё, что мы знаем о любви и дружбе. Пусть в ней будет всё, что мы знаем о жизни и смерти. Пусть твой танец не забудет никто из увидевших его хотя бы единожды.

— Танцуй, Халид, танцуй!

Пусть твой танец станет строкой стихотворения и зачином легенды. И пусть круг твой вовек не разомкнётся.

— Танцуй, Халид, танцуй!

Спляши нам рассветы
и закаты над морем, над
горами и над виноград-
никами.

Открой нам вечную тайну:
всякий ли сок может стать
драгоценным вином?
